

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Аномия в России: причины и проявления

ДОКЛАДЫ ЦЕНТРА

Выпуск № 4

Москва
Научный эксперт
2013

УДК 316.258(063)
ББК 60.524.126.3я431

К 21

К 21   Аномия в России: причины и проявления / Доклады Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.
Вып. 4. — М.: Научный эксперт, 2013. — 56 с.

ISBN 978-5-91290-222-2

УДК 316.258(063)
ББК 60.524.126.3я431

ISBN 978-5-91290-222-2

© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2013

Содержание

Введение	4
Ложь элиты — источник аномии.....	31
Разрушение символов как источник аномии.....	36
Подрыв культурных устоев	39
Преднамеренное оскорбление граждан	42
Заключение	47
Литература.....	52

Введение

Мы представляем колоссальный кризис России как систему, рассматривая разные его «срезы». Его интегральную, многомерную рациональную модель сложить в уме пока трудно, приходится довольствоваться художественными образами. С языком для описания образа этой катастрофы дело пока обстоит плохо — страшно назвать вещи «своими именами». Приходится ограничиваться эвфемизмами. Говорим, например, «кризис легитимности власти». Разве это передает степень, а главное, *качество* отчуждения, которое возникло между населением и властью? Нет, перед нами явление, которое в учебниках не описано.

Разработка аналитического языка для изучения нашей Смуты — большая задача, к которой почти еще не приступали. Надо хотя бы наполнять термины из общепринятого словаря западной социологии нашим содержанием. Ведь почти все понятия, обозначаемые этими терминами, требуют большого числа содержательных примеров из реальности именно нашего кризиса.

В этом докладе рассмотрим один срез нашего кризиса, который можно назвать **аномия России**. *Аномия* (букв. *беззаконие, безнормность*) — такое состояние общества, при котором значительная его часть сознательно нарушает известные нормы этики и права. Это тяжелая социальная болезнь и глубокий кризис культуры.

В советское время понятие «аномия» применялось редко, представление о советском человеке было проникнуто верой в устойчивость его ценностной матрицы (как в сословном обществе царской России была сильна вера в монархизм православного русского крестьянина). Считалось немыслимым, чтобы в советском обществе целые социальные группы могли сознательно отвергнуть привычные установленные нормы, т. е. вести двойную жизнь. Преступный мир, который существовал

как бы в параллельном мире («подполье»), считался *антисоциальной* группой, и его системное перемешивание с законопослушными социальными общностями не допускалось как аномалия. Аномия — это двойная жизнь как *норма*. Кроме того, это необходимая сторона жизни общества в целом.

Маргинальные группы, проявляющие склонность к девиантному и криминальному поведению, есть в любом обществе и в любой момент времени. Конечно, и в советском обществе были проявления аномии (например, мелкое воровство «несунов», массовая мелкая коррупция и пр.), но это считалось болезненными формами девиантного поведения, которое не приобретало системообразующего характера.

Советское обществоведение отвергало предупреждения вроде того, что сделал К. Лоренц: «Молодой “либерал” ... даже не подозревает о том, к каким разрушительным последствиям может повести произвольная модификация норм, даже если она затрагивает кажущуюся второстепенной деталь. ... Подавление традиции может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения могут угаснуть, как пламя свечи» [1]. Вся перестройка прошла под аплодисменты таких «молодых либералов», воспитанных советским обществоведением.

Постсоветское обществоведение тоже медленно осваивает познавательные возможности представлений об аномии. В течение 20 лет едва ли не половина статей в «СОЦИС» затрагивает проблему аномии той или иной социокультурной общности в России, но даже само понятие, обозначающее это явление, почти не применяется. На 2–3 тыс. статей по проблеме аномии российского общества едва наберется десяток имеющих в заглавии этот термин.

Некоторые социологи видят в концепции аномии развитие идей К. Маркса об *отчуждении* (алиенации). Так, В.О. Рукавишников пишет об отчуждении кризисного российского общества от политики власти как об одной из сторон аномии, порожденной реформами, которые свели идею модернизации к вестернизации: «Политическая алиенация в нашей стране связана с кризисом ценностной структуры общества, равно как изменениями в экономической, политической и культурной

среде жизнедеятельности россиян. Для старших возрастных групп ее индикаторы коррелируют с негативным отношением к экономической политике и приверженностью традиционным ценностям и неприятием западных культурных стандартов, навязываемых реформаторами. Алиенация связана и с представлениями о том, что в условиях безудержной коррупции, преступности и растущей дифференциации доходов личного успеха можно достичь только противозаконными средствами. Увы, кризис морали и нравственности в период падения благосостояния масс является неизбежным побочным продуктом вестернизации, по крайней мере, обратной зависимости до сих пор не обнаружено ни в одной из стран» [2]¹.

Но сведение аномии к одной из форм *отчуждения* непродуктивно. Отчуждение — категория размытая и исключительно туманная. В русском толковом словаре слово *отчуждение* означает *отделение, удаление, разрыв, отбирание*. В этом же смысле оно перешло из латыни (*alienatio*) в европейские языки, правда, с добавлением значения *беспамятство, психическое расстройство*.

Понятие «аномия» — вполне конкретное и жесткое, обозначает оно тяжелую социальную болезнь, в которой отчуждение служит лишь легким симптомом. Приведем высказывания философа и социолога: «Идеи Дюркгейма об аномии... лишь незначительная, но зловещая прелюдия» (К. Вольфф); «Аномия есть тенденция к социальной смерти; в своих крайних формах она означает смерть общества» (Р. Хилберт) (цит. [44]).

Мы будем говорить об аномии как социальном явлении. Его отличают от аномического состояния индивидов (хотя, очевидно, оно связано с обстановкой в общества).

В обзоре 1992 г. сказано: «“Психологическая аномия”, по Макайверу, — это “состояние сознания”, в котором чувство социальной сплоченности — движущая сила морали индивида —

---

¹ Лучше считать, что эти две концепции особого состояния общества «перекрываются», а не являются генетически связанными (хотя частная собственность как генератор отчуждения у К. Маркса — продукт модерна и разрушения традиционного общества). Однако из контекста обычно становится понятно, когда понятие отчуждения эквивалентно аномии.

разрушается или совершенно ослабевает. Макайвер определяет аномию как “разрушение чувства принадлежности индивида к обществу”: “человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живет только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого”.

Макайвер связывает это явление с тремя “проблемными характеристиками современного демократического общества: конфликтом культур, капиталистической конкуренцией и стремительностью социальных изменений”» [44].

Эти проблемные характеристики присущи и нашему нынешнему «демократическому обществу», но аномия накрыла Россию так плотно и всеобъемлюще, что сравнение с современным Западом нам мало что дает. Аномия — это такое явление, что, глядя через него, можно рассмотреть и понять почти все сферы и срезы бытия нынешней России. Сегодня к любому процессу или событию в российском обществе надо подходить, вооружившись знаниями об аномии как пробным камнем.

В российском обществоведении наибольшее внимание аномии уделяют социологи и криминалисты. Для социологов аномия — важнейший фактор, определяющий динамику структуры общества, поскольку человеческие общности, являющиеся структурными единицами общества, скрепляются прежде всего общими ценностями и нормами.

П. Сорокин, говоря об интеграции людей в общность или ее дезинтеграции, исходил именно из наличия общих ценностей, считая, что «движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества — моральное единство людей или разложение общей системы ценностей».

Перемена устоявшихся порядков — всегда болезненный процесс, но когда господствующие политические силы начи-

нают ломать всю систему жизнеустройства, это наносит народу столь тяжелую травму, что его сохранение ставится под вопрос. Целые социальные группы в таком состоянии перестают чувствовать свою причастность к обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Это и есть аномия.

Более жестко, чем социологи, подходит к формулировке проблемы аномии криминолог В.В. Кривошеев: «Дезорганизация, дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей, взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения значительного количества индивидов, т. е. все то, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия, фиксируется, постоянно анализируется представителями разных отраслей обществознания. Одни социологи, политологи, криминологи полагают, что современное аномичное состояние общества — не более чем издержки переходного периода... Другие рассматривают происходящее с позиций катастрофизма, выделяют определенные социальные параметры, свидетельствующие, по их мнению, о необратимости негативных процессов в обществе, его неотвратимой деградации. Своеобразием отличается точка зрения А.А. Зиновьева, который полагает возможным констатировать едва ли не полное самоуничтожение российского социума.

На наш взгляд, даже обращение к этим позициям свидетельствует об определенной теоретической растерянности перед лицом крайне непростых и, безусловно, не встречавшихся прежде проблем, стоящих перед нынешним российским социумом, своего рода неготовности социального познания к сколь-нибудь полному, если уж не адекватному, их отражению» [3].

Эту «неготовность социального познания» к пониманию конкретного явления современной российской аномии надо срочно преодолевать.

Э. Дюркгейм, вводя в социологию понятие аномии (1893 г.), видел в ней продукт разрушения солидарности традиционного общества при задержке формирования солидарности общества гражданского. Это пережил Запад в период становления буржуазного общества при трансформации общинного человека в свободного индивида.

Черода революций при возникновении современного Запада (Реформация, Научная и Промышленная революции, великие буржуазные революции) вызвала в Европе не просто всплеск психических расстройств, но и наследуемые физиологические изменения, ставшие этническими маркёрами, присущими народам этого региона, например расщепление сознания (историк науки Джозеф Нидэм называл его «характерной европейской шизофренией»).

Историк психиатрии Л. Сесс пишет: «Шизофренические заболевания вообще не существовали, по крайней мере в значительном количестве, до конца XVIII — начала XIX в. Таким образом, их возникновение надо связывать с чрезвычайно интенсивным периодом перемен в направлении индустриализации в Европе, временем глубокой перестройки традиционного общинного образа жизни, отступившего перед лицом более деперсонифицированных и атомизированных форм социальной организации» (см. [4]).

На материале американского общества середины XX в. понятие аномии развил Р. Мертон в очень актуальном для нынешней России аспекте («Порок и преступление — “нормальная” реакция на ситуацию, когда усвоено культурное акцентирование денежного успеха, но доступ к общепризнанным и законным средствам, обеспечивающим этот успех, недостаточен» [5]).

От аномии человек защищен в устойчивом и сплоченном обществе. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения — вот условия возникновения аномии. Атомизированное общество не озабочено жизненными целями людей, нравственными нормами поведения, даже социальным самочувствием. Целые социальные группы перестают чувствовать свою при-

частность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Аномия — важная категория общей теории девиантного поведения.

Причины, порождающие аномию, являются *социальными* (а не личностными и психологическими) и носят *системный* характер. Воздействие на сознание и поведение людей оказывают одновременно комплексы факторов, обладающие кооперативным эффектом. Поэтому можно принять, что проявления аномии как результат взаимодействия сложных систем будут мало зависеть от структуры конкретного потрясения, перенесенного конкретной общностью. Это потрясение можно обозначить метафорой «культурная травма», которую ввел польский социолог П. Штомпка.

Он пишет: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения...»

Что конкретно поражает травма? Где можно обнаружить симптомы травмы? Травма действует на три области; следовательно, возможны три типа коллективных (социальных) травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и т. д....

Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию. Примеры травмы структуры — политическая анархия, нарушение экономического обмена, паника и дезертирство воюющей армии, нарушение и распад семьи, крах корпорации и т. п....

Культурная травма, ... как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем

другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя...

Вследствие стремительного, радикального социального изменения “двойственность культуры” проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму. Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [6].

Другими словами, радикальные социальные изменения, несущие «свой смысл», наделяются дополнительным смыслом как ответ культуры той общности, которая испытала травму. Культурная травма, нанесенная народу, привела к культурному шоку. Он вызвал тяжелый душевный разлад у большинства граждан. В начале 1990-х гг. 70% опрошенных относили себя к категории “людей без будущего”. В 1994 г. “все возрастные группы пессимистически оценивали свое будущее: в среднем только 11% высказывали уверенность, тогда как от 77 до 92% по разным группам были не уверены в нем”. Летом 1998 г. (до августовского кризиса) на вопрос “Кто Я?” 38% при общероссийском опросе ответили: “Я — жертва реформ” (в 2004 г. таких ответов 27%) [15].

В целях анализа мы прибегнем к абстракции, выделяя изменения в *образе жизни* (социальных прав, доступа к жизненным благам и пр.) и изменения в *духовной сфере* (оскорбление памяти, разрушение символов и пр.), но будем иметь в виду, что обе эти сферы связаны неразрывно. Приватизация завода для многих не просто экономическое изменение, но и духовная травма, как не сводится к экономическим потерям ограбление в темном переулке. Для краткости мы будем описывать травмирующие социальные изменения в России и результирующие проявления аномии, не пытаясь установить корреляции между этими двумя структурами.

В социологической литературе гораздо большее внимание уделяется изменениям в *образе жизни*, даже, скорее, в экономической, материальной стороне жизнеустройства. Здесь мы будем в какой-то мере компенсировать этот перекокс собственными соображениями о травмах в *духовной сфере*.

Вот взгляд извне с обобщающей формулировкой. Президент Международной социологической ассоциации М. Буравой пишет: «Россия поляризуется... Центр интегрируется в передовые сети глобального информационного общества, провинции бредут в противоположном направлении к неофеодализму... Невероятно глубокое разделение общества по имущественному положению повлекло за собой отчужденность. Разрушительной формой протеста стало пренебрежение к социальным нормам. В социальной структуре распадающегося общества возник значительный слой “отверженных” — люмпенизированных лиц, в общности которых процветают преступность, алкоголизм и наркомания» [7].

Заведующий кафедрой социологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ В.Э. Бойков пишет в 2004 г.: «Одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их мимикрия, т. е. коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения и т. д. в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. Нередко это приспособление выражается в амбивалентности моральных воззрений: в несогласованности между исповедуемыми идеями и принципами нравственности, с одной стороны, и реальным уровнем моральных требований к себе и окружающим, с другой. Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали, все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалия, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе и т. д. Например, две трети опрошенных респондентов, по данным исследования 2003 г., не видят ничего зазорного в уклонении от уплаты налогов, более того, 36,7% убеждены, что такого рода обман государства морально оправдан» [13].

А вот взгляд из российской глубинки (Ивановская обл.): «Депрессивная экономика, низкий уровень жизни и высокая

дифференциация доходов населения сильнее всего сказываются на представителях молодежной когорты, порождая у них глубокий “разрыв между нормативными притязаниями... и средствами их реализации”, усиливая аномические тенденции и способствуя тем самым росту суицидальной активности в этой группе...

Бесконечные реформы, результирующиеся в усиление бедности, рост безработицы, углубление социального неравенства и ослабление механизмов социального контроля, неизбежно ведут к деградации трудовых и семейных ценностей, распаду нравственных норм, разрушению социальных связей и дезинтеграции общественной системы. Массовые эксклюзии рождают у людей чувство беспомощности, изоляции, пустоты, создают ощущение ненужности и бессмысленности жизни. В результате теряется идентичность, растет фрустрация, утрачиваются жизненные цели и перспективы. Все это способствует углублению депрессивных состояний, стимулирует алкоголизацию и различные формы суицидального поведения. Общество, перестающее эффективно регулировать и контролировать повседневное поведение своих членов, начинает систематически генерировать самодеструктивные интенции» [8].

Возьмем крайнее выражение аномии — рост преступности (особенно с применением насилия) и числа самоубийств. На рис. 1 видно, какой всплеск разбоев и грабежей вызвало потрясение от начала реформ в конце 1980-х гг. Лишь после 2000 г. началось сокращение числа этих преступлений — произошла и адаптация общества, и «выгорание» потенциала радикальной преступности.

Однако положение, несмотря на очень благоприятную экономическую конъюнктуру 2000–2008 гг., остается тяжелым. По официальным данным (Росстат), в 2008 г. от преступных посягательств пострадало 2,3 млн человек, из них 44 тыс. погибли (без покушения на убийство) и 48,5 тыс. был нанесен тяжкий вред здоровью, зарегистрировано 280 тыс. грабежей и разбоев. Выявлено 1,26 млн лиц, совершивших преступления. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже в течение многих лет колеблется на уровне около 1 млн в год (к тому же сильно

сократилась доля тех преступлений, которые регистрируются и тем более раскрываются)².

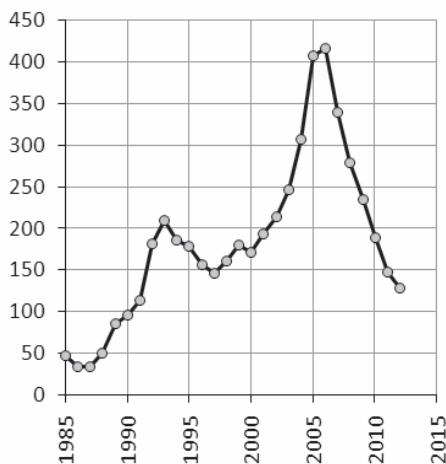

Рис. 1. Число зарегистрированных случаев разбоя и грабежа в России, тыс. за год

Это значит, что официально примерно в 5% семей в России ежегодно кто-то становится жертвой тяжкого или особо тяжкого преступления! А сколько еще близких им людей переживают эту драму. Сколько миллионов живут с изломанной душой преступника, причинившего страшное зло невинным людям! Только в местах заключения постоянно пребывает около 1 млн человек (в 2008 г. — 888 тыс.). Таким образом, жертвы преступности, включая саму вовлеченную в нее молодежь, ежегодно исчисляются миллионами.

В настоящее время многие из совершаемых тяжких преступлений с применением насилия оказываются не выявленными. В диссертации А.В. Ревягина (2010 г.) сказано: «В России масса таких преступлений ежегодно пополняется на 1 млн посягательств. В результате общее число общественно опас-

² В 1997 г. в РФ было зарегистрировано 1,4 млн тяжких и особо тяжких преступлений, в 1999 г. — 1,8 млн, в 2000 г. — 1,74 млн.

ных посягательств, за совершение которых виновные должны понести уголовную ответственность на начало 2010 г. превысило 17 млн. Свыше $\frac{1}{4}$ из них приходится на особо тяжкие и тяжкие преступления, основную часть из которых составляют насильственные посягательства.

При этом уровень раскрываемости большинства насильственных преступлений не превышает 60%. В результате на начало 2010 г. общая численность убийств, требующих своего раскрытия, превысила 40 тыс., причинений различной тяжести вреда здоровью — 250 тыс. ... Если дополнить приведенные показатели данными о преступлениях, не подвергнутых официальному учету, можно утверждать, что надлежащей защиты граждане, находящиеся на территории России, от преступного насилия по-прежнему не получают, а многие преступники остаются ненаказанными» [50].

В.В. Кривошеев исходит из классических представлений о причинах аномии — распад устойчивых связей между людьми под воздействием радикального изменения жизнеустройства и ценностной матрицы общества. Он пишет: «Аномия *российского социума реально проявляется в условиях перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному...* Общие духовные черты, характеристики правовой, политической, экономической, технической культуры можно было отметить у представителей, по сути, всех слоев, групп, в том числе и национальных, составлявших наше общество... Надо к тому же иметь в виду, что несколько поколений людей формировались в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывались с сознанием некоего долга перед другими, всем обществом...

Ныне общество все больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы, при этом в значительной мере оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии» [3].

Не углубляясь, отметим методологическую трудность, присущую нашей теме, — трудность *измерения* аномии. Само это понятие нежесткое, все параметры явления подвержены

влиянию большого числа плохо определенных факторов. Следовательно, трудно найти индикаторы, пригодные для выражения *количественной меры*. Легче оценить масштаб аномии в динамике, через нарастание болезненных явлений. А главное, надо грубо взвешивать смысл качественных оценок.

Можно утверждать, что аномия охватила большие массы людей во всех слоях общества, болезнь эта глубокая и обладает большой инерцией. Видимо, обострения и спады превратились в колебательный процесс — после обострения люди как будто подают друг другу сигнал, что надо притормозить (это видно, например, по частоте и грубости нарушений правил дорожного движения — они происходят волнами). Но надо учитывать также, что наряду с углублением аномии непрерывно происходит *восстановление* общественной ткани и норм.

Р. Мертон также подчеркивал: «Вряд ли возможно, чтобы когда-то усвоенные культурные нормы игнорировались полностью. Что бы от них ни оставалось, они непременно будут вызывать внутреннюю напряженность и конфликтность, а также известную двойственность. Явному отвержению некогда усвоенных институциональных норм будет сопутствовать скрытое сохранение их эмоциональных составляющих. Чувство вины, ощущение греха и угрызения совести свойственны состоянию неисчезающего напряжения» [5].

Таким образом, несмотря на глубокую аномию состояние российского общества следует считать «стабильно тяжелым», но *стабильным*. Общество пребывает в условиях *динамического равновесия* между процессами повреждения и восстановления, которое сдвигается то в одну, то в другую сторону, но не катастрофично.

Об инерционности аномии говорят сообщения самого последнего времени, в которых дается обзор за несколько лет. Авторы обращают внимание на то, что даже в годы заметного улучшения экономического положения страны и роста доходов зажиточных групп населения степень проявления аномии снижалась незначительно.

Вот вывод психиатра, заместителя директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии

им. В.П. Сербского (2010 г.): «Затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда — тревожная напряженность и развитие “кризиса идентичности личности”... Развиваются чувство неудовлетворенности, опустошенности, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных» [9].

В этом суждении важное место занимает травма, нанесенная духовной сфере людей: крушение устоявшихся идеалов, потеря чувства собственного достоинства, оскорбительные жестокость и хамство сильных...

Вот недавняя оценка состояния молодежи, также включающая в себя социально-психологические факторы: «Для установок значительной части молодежи характерен нормативный релятивизм — готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления... Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации» [10].

В большом числе статей делается тревожное предупреждение о том, что в последние годы рост средних доходов населения сопровождался относительным и даже абсолютным ухудшением положения бедной части общества (частично из-за массового ухудшения здоровья этой части населения, частично из-за критического износа материальных условий жизни, унаследованных от советского времени.

Можно привести такой вывод (2010 г.): «Хотя в условиях благоприятной экономической конъюнктуры за последние шесть лет уровень благосостояния российского населения в целом вырос, положение всех социально-демографических групп, находящихся в зоне высокого риска бедности и малообеспеченности, относительно ухудшилось, а некоторых (неполные семьи, домохозяйства пенсионеров и т. д.) резко упало» [11].

Если сохранять чувство меры и делать скидку на то волнение, с которым социологи формулируют свои выводы из исследований социального самочувствия разных социальных и гендерных групп, то массив статей «СОЦИС» за 1990–2010 гг. можно принять за выражение *экспертного мнения* большого научного сообщества. Важным измерением этого коллективного мнения служит и длинный временной ряд — динамика оценок за все время реформы. В этих оценках сообщество социологов России практически единодушно. Статьи различаются лишь в степени политкорректности формулировок. Как было сказано, подавляющее большинство авторов в качестве основной причины аномии называют социально-экономические потрясения и обеднение большей части населения. Нередко указываются также чувство несправедливости происходящего и невозможность повлиять на ход событий.

Вот как В.А. Иванова и В.Н. Шубкин характеризуют мнение респондентов в 1999 и 2003 г.: «Наибольшее число опрошиваемых в 1999 г. назвали среди самых вероятных [угроз] социально-экономические потрясения и проблемы, связанные с общим ощущением бесправия: снижение жизненного уровня, обнищание (71%), беззаконие (63%), безработица (60%), криминализация (66%), коррупция (58%) ...»

Усиливается ориентация на готовность к социальному выживанию по принципу “каждый за себя, один Бог за всех”. 30% считают, что даже семья, близкое окружение не сможет предоставить им средств защиты, адекватных угрожающим им опасностям, т. е. чувствуют себя абсолютно незащищенными перед угрозам катастроф. Анализ проблемы страхов россиян позволяет говорить о глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринимается

большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех» [12].

Дезинтеграция общества, распад человеческих связей с сохранением только семей и малых групп — это и есть выражение и следствие аномии. Примерно так же описывал ситуацию В.Э. Бойков в 2004 г.: «Состояние массовой фрустрации иллюстрируется данными социологических опросов различных категорий населения. Согласно результатам опроса 2003 г., 73,2% респондентов в той или иной степени испытывают страх в связи с тем, что их будущее может оказаться далеко не безоблачным; 74,6% опасаются потерять все нажитое и еще 10,4% заявили, что им уже нечего терять; 81,7% не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год; 67,4% считают, что они совсем не застрахованы от экономических кризисов, которые опускают их в пучину бедности, и 48,3% чувствуют полную незащищенность перед преступностью; 46% полагают, что если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа. Заметим, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи **представителям всех слоев и групп населения**, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее» [13].

Здесь указан важный признак аномии — люди «не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год». Эту тему развивает В.В. Кривошеев в 2009 г.: «Социальное беспокойство, страхи и опасения людей за достигнутый уровень благополучия субъективно не позволяют людям удлинять видение своих жизненных перспектив. Известно, например, что ныне, как и в середине 1990-х гг., почти три четверти россиян обеспокоены одним: как обеспечить свою жизнь в ближайшем году.

Короткие жизненные проекты — это не только субъективная рассчитанность людьми жизненных планов на непродолжительное физическое время, но и сокращение конкретной продолжительности “социальных жизней” человека, причем сокращение намеренное, хотя и связанное со всеми объективными процессами, которые идут в обществе. Такое сокращение пребывания человека в определенном состоянии (“социальная

жизнь” как конкретное состояние) приводит к релятивности его взглядов, оценок, отношении к нормам и ценностям. Поэтому короткие жизненные проекты и мыслятся нами как реальное проявление аномии современного общества...

В состоянии социальной катастрофы особенно сильно сказалось сокращение длительности жизненных проектов на молодом поколении... В условиях, когда едва ли не интуитивно все большее число молодых людей понимает и понимает, что они навсегда отрезаны от качественного жилья, образования, отдыха, других благ, многие из них стали ориентироваться на жизнь социального дна, изгоев социума. Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых» [14].

В массиве статей журнала «СОЦИС» дается описание широкого спектра проявлений аномии, от самых мягких (конформизма и мимикрии) до немотивированных убийств и самоубийств. Эти проявления начались на ранних стадиях реформы, и российские социологи были к ним не готовы. Результатом стал провал социологических опросов и прогнозов перед выборами в декабре 1993 г. Социолог Б.А. Грушин сделал такое замечание в оценке этого провала. В своей статье «Фиаско социальной мысли» он написал, что российское общество в его нынешней изменчивой форме представляет неподдающиеся измерению проблемы для социальных наук. Он отметил, что «острое недоверие масс к власти, нежелание иметь любые контакты с правительством и факт, что опросы идентифицировались с властью, объясняют, почему многие россияне не понимают роль опросов общественного мнения и не хотят быть искренними с интервьюерами». В январе 1994 г. Б.А. Грушин вышел из Президентского совета, потому что «он ощутил несовместимость своей позиции с ролью независимого организатора опросов».

Большое число работ посвящено специфическим формам аномии в молодежной среде. В.В. Петухов пишет, выделяя вывод курсивом: *«Сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. С другой стороны, происходит индивидуализация массовых установок, в условиях которой*

говорить о какой бы то ни было солидарности, совместных действиях, осознании общности групповых интересов не приходится» [16].

Культурная травма, нанесенная большинству студентов, обладает большой инерцией. Это видно по динамике признаков, приведенных в табл. 1 [17].

Таблица 1

Жизненные позиции российских студентов (% к числу опрошенных)

Ответы, выражающие «согласие»	1997 г.	1999 г.	2007 г.
В нашей стране столько неясного, что такому человеку, как я, трудно в ней разобраться	73,4	91,9	83,2
Сегодня кажется, что все в жизни обесценивается	73,5	73,7	80,8
Все живут сегодняшним днем и не заботятся о будущем	51,4	64,8	79,7
Ни в ком нельзя быть уверенным	57	57,8	60,5
Сейчас, когда будущее неясно, вряд ли стоит рожать детей	40	43,4	55,4

Самыми незащищенными перед волной аномии оказываются дети и подростки. Они тяжело переживают бедствие, постигшее их родителей, а потом целые контингенты их оказываются беспризорными или безнадзорными, лишенными всякой защиты от преступных посягательств и втянутыми в преступную среду.

В 1994 г. социологи исследовали состояние сознания школьников Екатеринбурга двух возрастных категорий: 8–12 и 13–16 лет. Выводы авторов таковы: «Наше исследование показало, что ребята остро чувствуют социальную подоплеку всего происходящего. Так, среди причин, вызвавших появление нищих и бездомных людей в современных больших городах, они называют массовое сокращение на производстве, невозможность найти работу, высокий уровень цен... Дети школьного возраста полагают, что жизнь современного россиянина

наполнена страхами за свое будущее: люди боятся быть убитыми на улице или в подъезде, боятся быть ограбленными. Среди страхов взрослых людей называют и угрозу увольнения, страх перед повышением цен...

Сами дети также погружены в атмосферу страха. На первом месте у них стоит страх смерти: “Боюсь, что не доживу 20 лет”, “Мне кажется, что я никогда не стану взрослым — меня убьют”... Российские дети живут в атмосфере повышенной тревожности и испытывают недостаток добра... Матерятся в школах все: и девочки, и мальчики... Как говорят сами дети, мат незаменим в повседневной жизни. В социуме, заполненном страхами, дети находят в мате некий защитный механизм, сдерживающий агрессию извне» [18].

Как показал ход реформы, для большинства обедневших семей их нисходящая социальная мобильность оказалась необратимой. Сильнее всего это ударило по детям — произошла их сегрегация от благополучных слоев общества [19]. В 2004 г. социологи делают следующий вывод (выделение авторов): *«Чрезмерная поляризация общества, прогрессивное сужение социальных возможностей для наиболее депривированных его групп, неравенство жизненных шансов в зависимости от уровня материальной обеспеченности начнет в скором времени вести к активному процессу воспроизводства российской бедности, резкому ограничению возможностей для детей из бедных семей добиться в жизни того же, что и для большинства их сверстников из иных социальных слоев.*

Собственно, уже сейчас бедным как четко обозначенной социальной группе довольно редко вообще удается добиться каких-либо существенных изменений своего положения, решить какую-то сложную семейную проблему, остановить падение уровня жизни, вырваться из круга преследующих их неудач. За последние три года только 5,5% из них удалось повысить уровень своего материального положения (по населению в целом — 22,7%)» [20].

Без защиты семьи и государства большое число подростков гибнет от травм, насилия и душевных кризисов. В исследовании причин подростковой смертности сказано: «В последние

5 лет смертность российских подростков в возрасте 15–19 лет находилась в пределах 108–120 на 100 000 населения данного возраста. Этот показатель в 3–5 раз выше, чем в большинстве стран Европейского региона. Главной причиной смертей являются травмы и отравления (74,4% в 2008 г.).

Реальные масштабы подростковой смертности от травм и отравлений заметно превышают ее официально объявленный уровень за счет неточно обозначенных состояний, маскирующих внешние причины, а также сердечно-сосудистых заболеваний, с латентной смертностью наркоманов. Реальные масштабы смертности от убийств, суицидов и отравлений существенно выше официально объявленных за счет поврежденных с неопределенными намерениями...

По уровню самоубийств среди подростков Россия на первом месте в мире: средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире. И эти страшные цифры не учитывают случаев попыток к самоубийству» [21].

Вообще, смертность от внешних причин (особенно от травм и отравлений) достигла в России очень больших размеров. Вот выводы одного из диссертационных исследований: «Смертность от травм и отравлений в совокупности ее количественной динамики и структурных особенностей (возрастных, гендерных и нозологических) может выступать маркером развития социальной ситуации в стране. В России ... возобладали негативные тенденции, вследствие чего уровни травматической смертности российских мужчин в настоящее время более чем вчетверо выше, чем во Франции и США, и более чем в 8 раз выше, чем в Великобритании...

По самым предварительным оценкам в среднем по России половина смертности 20–39-летнего населения от повреждений с неопределенными намерениями определялась латентными убийствами (53,2% у мужчин и 50,4% у женщин), соответственно 16,4 и 17,9% — латентными самоубийствами и 17,5 и 19,1% — отравлениями разного рода химическими веществами (что также косвенно может быть отнесено к суицидам)» [22].

Преступное насилие, как и преступность в целом, — острое и радикальное проявление аномии. Главной причиной ее всплеска, по единодушному мнению социологов, стали социальные изменения в ходе реформы. Само по себе это, однако, не объясняет *масштабов* волны преступности. В этом В.В. Кривошеев видит необычность воздействия реформы 1990-х гг. на связность общества: «Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности. Аномия в решающей мере выступает в наших отечественных условиях *в форме криминализации социума. ... Криминализация общества — это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия.* Преступный социальный мир уже не находится на социальной обочине, он на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани.

Кроме того, криминализация означает появление таких поведенческих актов, которые прежде лишь в единичных случаях фиксировались в нашей стране либо не отмечались вовсе. Речь идет, к примеру, о заказных убийствах, криминальных взрывах, захвате заложников, открытом терроре против тех представителей власти, которые не согласны жить по законам преступного социального мира. *Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира,* что связывается нами с все большим вовлечением в анти-социальные действия молодежи, подростков, разрушением позитивных социализирующих возможностей общества...

Роль среднего класса в наших условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира. Традиционные группы, из которых складывается средний слой (массовая интеллигенция, верхние слои других групп наемного труда и т. д.), к сожалению, в российском обществе ни по своему статусному, ни по своему материальному положению не могут претендовать на позицию в нем. Сказанное и позволяет нам определить криминализацию современного российского общества как весьма специфичную форму такого социального феномена как аномия» [3].

Мощным генератором аномии стало созданное реформой «социальное дно». Оно сформировалось в России к 1996 г. и составляло около 10% городского населения, или 11 млн человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети и уличные проститутки. Отверженные выброшены из общества с поразительной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *ближними*.

Имеется в виду даже не аномия самих обитателей «дна» (хотя и это массивный элемент всей проблемы), а необходимость для всех социальных групп переступить через нравственные и гражданские нормы, чтобы сосуществовать с «дном», видеть его каждый день и «не пускать» в свое сознание, чтобы не сойти с ума.

Н.М. Римашевская пишет: «Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсифицируют процесс маргинализации населения. В результате появляется социальный слой пауперов как следствие усиливающейся нисходящей социальной мобильности, нарастающей по своей интенсивности. Так формируется и укрепляется “социальное дно”, которое фактически отторгается обществом, практически не знающим даже его истинных размеров...

Представители “социального дна” имеют сходные черты. Это люди, находящиеся в состоянии социальной эксклюзии, лишённые социальных ресурсов, устойчивых связей, утратившие элементарные социальные навыки и доминантные ценности социума. Они фактически уже прекратили борьбу за свое социальное существование... “Социальное дно” в России находится вне рамок законов и норм Конституции. “Большое” общество исключает его из орбиты социальных связей; контакты с ним ведутся только по линии правоохранительных органов, *процесс эксклюзии реализуется в наиболее полном виде...*

В обществе действует эффективный механизм “всасывания” людей на “дно”, главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан...

Представители бедных не ждут от жизни ничего хорошего; для их мироощущения характерен пессимизм и отчаяние. Этим психоэмоциональным напряжением беднейших социально-профессиональных слоев определяется положение “придонья”... “Придонье” — это зона доминирования социальной депрессии, область социальных катастроф, в которой люди окончательно ломаются и выбрасываются из общества. Процесс формирования “придонного” слоя связан чаще всего с объективными причинами и показывает, как происходит “втягивание” людей, образованных и необразованных, квалифицированных и неквалифицированных, в среду “социального дна”... “Придонный” слой формируется как бы помимо воли людей, как результат экономического реформирования, крушащего надежды вполне профессионально состоятельных групп населения» [23].

Крайняя степень депривации — *бездомность*. Она стала крупномасштабным социальным явлением в постсоветской России. Исследователи пишут: «Начавшееся в 1990-е гг. реформирование российского общества породило резкую социальную дифференциацию... Нынешняя российская действительность возвратила нас в мир, где бездомность приобрела характер социального бедствия, не только в силу многочисленности этой категории, но и из-за явной тенденции ее роста...

Индивид, оказавшийся за пределами первичной социальной группы и не имеющий жилья, приобретает специфические черты поведения, характерного для бездомных, он интериоризирует нормы и ценности, принятые среди этой категории населения.

Каковы же причины роста бездомности? Одними из основных причин являются резкое ухудшение социально-экономического положения в стране, трудности или невозможности адаптации части ее населения к новым условиям жизнедеятельности... Объективно способствует росту бездомности проведенная в начале 1990-х гг. приватизация и создание рынка жилья, возможность его купли — продажи. Среди воспользовавшихся этой возможностью были безработные люди, которые, продав свою квартиру или дом, оказались на улице, а вырученные деньги попросту пропивали» [24].

Государственная помощь бездомным столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к изгоям общества. К концу 2003 г. в Москве действовали 2 «социальных гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест при наличии 30 тыс. **официально учтенных** бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более 800 человек.

И вот выводы социологов: «Всплеск бездомности — прямое следствие разгула рыночной стихии, “дикого” капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного “класса” людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной “возможностью” для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство» [25].

Общество терпит тот факт, что крайне обедневшая часть населения лишена жизненно важных социальных прав, и в этой нравственной и правовой норме аномия российского общества *тотальна*. Преступление совершается на наших глазах. Ведь формулировки социологов абсолютно ясны и понятны: *«Боязнь потерять здоровье, невозможность получить медицинскую помощь даже при острой необходимости составляют основу жизненных страхов и опасений подавляющего большинства бедных»* [20].

Своей бесчувственностью социальная политика создала предпосылки для аномии, которая перемалывает российское общество.

Признаком аномии стало неожиданное для российской культуры явление *геронтологического насилия*. Традиционно старики были в России уважаемой частью общества, а в последние десятилетия советского периода и вполне обеспеченной частью, но в ходе реформы социальный статус престарелых людей резко изменился. Большинство их *обеднели*, большая их часть оказались в положении изгоев, не нужных ни семье, ни

обществу, ни государству. Крайним проявлением дегуманизации стало насилие по отношению к старикам, которое приобрело масштабы социального явления.

Это явление наблюдается во всех социальных слоях. Изучение проблемы показало, что «социальный портрет» тех, кто избивает и мучает стариков, отражает общество в целом. В составе «субъектов геронтологического насилия» 23,2% имеют высшее образование (плюс студенты вуза — 3%), 36,7% — среднее, 13,5% — среднее техническое, 4,9% — начальное. У 13,4% образовательный уровень неизвестен. 67% насильников — родственники, 24% — друзья и соседи, 9% — «посторонние» [26].

Геронтологическое насилие было узаконено уже в самом начале реформы, потому что новый политический режим видел в старших поколениях советских людей своего противника. К старикам сразу была применена демонстративная жестокость в самой примитивной форме — массовое показательное избивание ветеранов ВОВ на улицах Москвы 23 февраля 1992 г.

Одновременно СМИ провели кампанию глумления над избитыми. Обозреватель «Комсомольской правды» Л. Никитинский писал в репортаже (25.02.1992): «Вот хромает дед, брэнчит медалями, ему зачем-то надо на Манежную. Допустим, он несколько смешон и даже ископаем, допустим, его стариковская настырность никак не соответствует дряхлеющим мускулам — но тем более, почему его надо теснить щитами и баррикадами?»

Совокупность всех этих социальных изменений породила массовый *пессимизм* — предпосылку аномии. Начатые в 1980-е гг. и продолжающиеся в настоящее время исследования *социального самочувствия* обнаружили, по словам авторов, «мощную доминанту пессимизма в восприятии будущего России».

В обзорной статье 2010 г. Л.И. Михайлова пишет: «Анализ показывает, что значительная часть респондентов (58,4%) нуждается в социальной защите. 30,6% живут с чувством бесперспективности, подавленности, у многих состояние социальной защиты вызывает злость и раздражение, лишь очень незначительная часть населения (14,6%) удовлетворена ею... Низкое социальное самочувствие россиян, характеризующееся

беспокойством, тревогой, подавленностью, отражается и на восприятии будущего. Оно представлено, скорее, пессимистично, почти по всем исследованным сферам жизнедеятельности доминируют позиции, связанные с сомнениями в возможности решить социальные проблемы» [27].

В 2011 г. Институт социологии РАН опубликовал аналитический доклад «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)». Выводы таковы:

«Единственное, в чем сходятся практически все опрошенные, так это в том, что командой Б. Ельцина был осуществлен наихудший вариант реформирования экономики и всех других сфер жизни общества. Лишь 6% согласились с суждением, что “реформы следовало проводить именно так, как они проводились”. Даже среди либералов этого утверждения придерживаются всего 11%.

В результате ошибок, неверно выбранной модели экономического и социального реформирования или по каким-то иным причинам в 1990-е гг., по мнению россиян, произошло ухудшение практически во всех основных сферах жизни общества и государства. Негативная динамика характерна прежде всего для уровня жизни населения (77% опрошенных фиксируют ухудшение), морального состояния общества (76%), экономики страны в целом (73%), социальной сферы — здравоохранения, образования, культуры (71%), международных отношений (70%). Менее явное, но тоже значительное ухудшение наблюдалось в эти годы в сферах борьбы с коррупцией, обеспечения законности и правопорядка, борьбы с терроризмом и даже международного положения страны. Пожалуй, единственным направлением, где опрошенные отмечают не только “минусы”, но и “плюсы”, стала ситуация в области прав и свобод, развития демократии; в этом направлении 28% респондентов фиксируют улучшение, а 34% — ухудшение» [28].

Это и вызвало тотальную культурную травму населения России.

Еще более важен следующий вывод:

«Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнем с самого распространенного по частоте его пере-

живания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг**. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто. Учитывая роль справедливости — несправедливости в российской культуре, где она выступает своего рода каркасом национального самосознания, это очень серьезный «звонок», сигнализирующий о неблагополучии в этой области...

Кроме того, на фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространенностью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда — весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах ее граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы...*

Что же это за особенности социально-психологического состояния наших сограждан, которые, также как и приведенные выше данные, вызывают тревогу? В первую очередь в этой связи стоит упомянуть **чувство стыда за нынешнее состояние своей страны**. Стыд за страну в условиях ее достаточно прочного внешнеполитического положения и в целом успешного и стабильного прохождения наиболее острой фазы глобального экономического кризиса последних лет связан с отрицанием сложившегося в России “порядка вещей”, “правил игры” и т. п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными. Правомерность такой интерпретации подтверждает тот факт, что теснее всего чувство стыда за свою страну связано с чувством несправедливости происходящего вокруг и чувством, что дальше так жить нельзя. Фактически три эти чувства образуют внутренне целостный, единый компонент мировоззрения значительной группы россиян, при том

что лишь 3% их не испытывают трех анализируемых чувств практически никогда...

Новой тенденцией последних лет является при этом практически полное исчезновение связи чувства стыда за свою страну и всего блока негативных чувств с доходом. Если еще пять лет назад наблюдалась отчетливая концентрация испытывающих соответствующие чувства людей в низкодоходной группе, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам общества, выделенным с учетом их среднедушевых доходов. Это значит, что если тогда эти чувства вытекали прежде всего из недовольства своей индивидуальной ситуацией, то сейчас это следствие несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространенными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти» [28].

Здесь сказано о той травме, которую населению, реформа нанесла в духовной сфере. Массу людей *оскорбила несправедливость*. Однако можно говорить о *системе* оскорбительных действий, особой стороне той культурной травмы, которая погрузила общество в аномию.

Коротко пройдем по главным элементам этой системы³.

Ложь элиты — источник аномии

Принципиальный дефект той мировоззренческой структуры, на основе которой производилось целеполагание реформ, — *этический нигилизм*, игнорирование тех ограничений, которые «записаны» на языке нравственных ценностей. Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить. Он из тех, которые тянут на дно, как камень на шее, пока не сбросишь, не выплывешь. Речь о том, что элита присвоила себе **право на ложь**. И дело не только в этике. Общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нем слепнут и поводыри.

Бывают периоды, когда преуспевают страны, стоящие на принципе «Не в правде Бог, а в силе». В век Просвещения этот

³ Подробнее см. в [43].

принцип ушел в молчание круговой поруки гражданского общества — ложь была направлена вовне, а не против своей же нации. В проекте Просвещения при разработке идеи Общественного договора был сформулирован принцип, который следовал золотому правилу нравственности: «Поступайте по отношению к другим так, как вы хотели бы, чтобы другие поступали по отношению к вам». И. Кант назвал это правило основным *моральным законом*, его категорический императив гласил: «Поступай так, чтобы максима твоей воли в то же самое время могла иметь силу принципа всеобщего законодательства». Его следствием является *запрет на ложь*. Этот принцип был заложен в основу *права* Нового времени. Было принято, что Общественный договор (в принципе, как и любой контракт) не может быть достигнут, если одна сторона заранее готовится обмануть другую сторону.

Но стратегия перестройки и реформ в России изначально строилась на лжи. Сейчас уже невозможно делать вид, что «мы не знали». Уход от рефлексии загоняет болезнь все глубже, обман стал социальной нормой реформаторской элиты России — вот главное.

А.Н. Яковлев, «архитектор перестройки», писал в «Черной книге коммунизма»: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” — по революционаризму вообще» [29].

По иерархической лестнице быстрее всего стали продвигаться люди *двуличные*. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю структуру сознания элиты. Она впала в *цинизм* — особый тип аномии. Лжец теряет контроль над собой, как клептоман, ворующий у себя дома. Речь шла о сдвиге в мировоззрении, в массовое сознание была внедрена программа-вирус. Так созревала тяжелая культурная травма.

М. Горбачев поднялся по номенклатурной лестнице КПСС до ее вершины. На каждой ступеньке он клялся в верности СССР и даже давал ему присягу на верность. Но прошло всего два года, и он в своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. сказал: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул» [45].

Мыслимое ли дело — услышать от президента страны такое признание!

Об этом своем плане М. Горбачев вплоть до конца 1991 г., будучи Президентом СССР, не обмолвился ни словом. Он его обсуждал с ближайшими соратниками, с А.Н. Яковлевым и Э.А. Шеварднадзе, но и они молчали. Значит, власть заранее готовилась обмануть общество (партнера по Общественному договору!) и готовила ликвидацию социализма и СССР. Нынешняя власть не отмежевалась от этого обмана и этим углубила аномию.

Перестройка воспринималась именно как заключение нового Общественного договора. Суть была сформулирована следующим образом: «Больше справедливости! Больше социализма». На поверку оказалась, что вся ее доктрина была обманом. Достоинство людей было *оскорблено*. Элита реформаторов воспользовалась доверчивостью граждан, а после «победы» стала над этой доверчивостью издеваться.

Вот откровение А.Н. Яковлева, сделанное в 2003 г.: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”,

а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 г., т. е. в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать» [46].

Подойдем с другой стороны. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2004 г. В.В. Путин говорил: «С начала 1990-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Вторым этапом было временное расчистка завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Но ведь реформа 1990-х гг. представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики — а теперь оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе 1990-х гг. не было сказано, что готовился **демонтаж экономической системы** России, власть следовала **тайному** плану. Она заведомо лгала обществу, отвергла категорический нравственный императив — и anomia накрыла Россию!

Вот несколько примеров «второго уровня». Во время перестройки многие авторы, включая академиков, доказывали, что строительство «рукотворных морей» и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в важной книге: «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель» [47]. Но это неправда! Водохранилища отнюдь не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших

земель», при их строительстве в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га — 0,35% всей пашни. Зато водохранилища позволили оросить 7 млн га засушливых земель и сделали их действительно плодородной пашней⁴.

Поток подобных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество было контужено массивной ложью. Этот социально-психологический климат порождал и углублял аномию.

Тяжелый удар нанесла ложь, которой была пропитана идеологическая риторика, представлявшая реформу переходом к демократии и правовому государству. Основная масса населения искренне верила в эти лозунги и обещания, но стоило ликвидировать СССР и его политический порядок, как те же идеологи стали говорить с удивительной глумливостью. Валерия Новодворская писала в 1993 г.: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим... Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена) — не должны. Право — понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух» [48].

Ложью обосновывалась *приватизация*, которая стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бю-

---

⁴ Ученый должен был бы сообщить, что на тот момент в США было 702 больших водохранилища (объемом более 100 млн м³), а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае 24 119, в США 6 389, а в России 62. Отставание России в использовании гидроэнергетического потенциала рек колоссально, но общество убедили в том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы. Кроме того, не мог экономист не знать, что за счет ГЭС значительно снижалась цена электроэнергии в стране, что сказывалось и на производстве, и в быту. Так, в 2008 г. Усть-Илимская, Братская и Иркутская ГЭС поставляли на рынок электроэнергию по цене 1,45 коп./кВт-ч. Это в 30 раз дешевле, чем электрическая энергия близлежащих тепловых станций той же компании «Иркутскэнерго».

рократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России и нанесли по стране колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она им переболеет.

Приведем заключение криминалистов о результатах приватизации в этом аспекте (по состоянию на начало первого десятилетия XXI в.): «В криминальные отношения в настоящее время вовлечены 40% предпринимателей и 66% всех коммерческих структур. Организованной преступностью установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора. Поборами мафии обложено 70–80% приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10–20% от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятий... По некоторым данным примерно 30% состава высшей элиты в России составляют представители легализованного теневого капитала, организованной преступности» [30].

Ложью были обещания власти не допустить безработицы в результате реформы. Вот что говорил А.Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т. д... Рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа» [31].

В мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т. д.». Уже были сделаны и опубликованы расчеты, которых А. Яковлев просто не мог не знать.

Разрушение символов как источник аномии

Массированная ложь применялась в целях подрыва всего строя символов, связанных с Великой Отечественной войной. Образ этой войны — один из немногих сохранившихся центров сосредоточения связей общенациональной основы. Надо подчеркнуть, что эта кампания ведется несмотря на то,

что власти России прекрасно понимают значение образа Великой Отечественной войны для поддержания сплоченности общества.

Одна из тем — доведенное до абсурда преувеличение потерь Красной армии в Великой Отечественной войне. Возможности опровергнуть ложь несравнимо меньше, чем у тех сил, кто занимается фальсификацией. Эту кампанию мы наблюдаем каждый год. Вот, канун праздника 60-летия Победы, 3 апреля 2005 г., телепередача В.В. Познера «Времена». В качестве эксперта был приглашен президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев, который в 1988 г. возглавлял комиссию Министерства обороны по оценке потерь в ходе войны.

Ведущий, В.В. Познер, заявляет: «Вот, поразительное дело — мы до сих пор не знаем точно, сколько погибло наших бойцов, солдат, офицеров в этой войне».

И это — на Первом канале центрального российского телевидения! В.В. Познер, человек сведущий, не мог не знать, что в 1966–1968 гг. подсчет людских потерь в Великой Отечественной войне вела комиссия Генерального штаба, возглавляемая генералом армии С.М. Штеменко. Затем в 1988–1993 гг. сведением и проверкой материалов всех предыдущих комиссий занимался коллектив военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. Было осуществлено большое комплексное статистическое исследование архивных документов и других материалов, содержащих сведения о потерях в армии и на флоте, в пограничных и внутренних войсках НКВД. Этот коллектив имел возможность изучить рассекреченные в конце 1980-х гг. материалы Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных сил, МВД, ФСБ, погранвойск и материалы архивных учреждений СССР. Результаты этого фундаментального исследования потерь личного состава и боевой техники советских Вооруженных сил в боевых действиях за период с 1918 по 1989 г. были опубликованы в 1993 г.

В этой книге сказано: «По результатам подсчетов, за годы Великой Отечественной войны (в том числе и за кампанию на Дальнем Востоке против Японии в 1945 г.) **общие безвозвратные демографические потери** (убито, пропало без вести,

попало в плен и не вернулось из него, умерло от ран, болезней и в результате несчастных случаев) советских Вооруженных сил вместе с пограничными и внутренними войсками **составили 8 млн 668 тыс. 400 чел.**». Соотношение по людским потерям Германии и ее союзников на Восточном фронте было 1:1,3 в пользу нашего противника.

Государство должно было не допустить заявлений по центральному телевидению, подобных заявлению В.В. Познера. Согласно европейским законам о телевидении он был **обязан** сначала сообщить аудитории **официальные** данные, а уже затем высказывать свое **личное** мнение с обоснованием своих сомнений в этих официальных данных.

На той телепередаче М.А. Гареев пытался сообщить известные и проверенные данные, но на них просто не обратили внимания, отмахнулись. Ему, главному эксперту по обсуждаемому вопросу, не дали говорить! Но показали видеointервью с писателем, который заявил, что «немцы в общей сложности потеряли 12,5 млн человек, а мы на одном месте потеряли 32 млн, на одной войне». Это подтвердил А.Н. Яковлев в интервью «Аргументам и фактам». Его спрашивают: «Сколько на самом деле погибло наших солдат в войне с Германией?». Он отвечает: «В войне с Германией погибло не менее 30 млн человек. И как за это можно хвалить великого полководца всех времен и народов Сталина? Это было преступление».

М.А. Гареев на реплику В.В. Познера вставляет слово: «Называли и цифру 60 млн. Вот Володарский [киносценарист] недавно сказал, что наши потери в войне составляют 56 млн. Ведь можно что угодно изобрести». В.В. Познер парирует: «Это вместе с гражданскими». Он прекрасно знает, что общие потери в войне вместе с гражданскими лицами оцениваются в 26,6 млн человек. Знает, но вставляет эту реплику. Разве можно допускать, чтобы на телевидении сидели люди, ведущие информационно-психологическую войну против «страны пребывания»? Другое важное направление — кино. Уже после 2000 г. был снят целый ряд фильмов с заведомой ложью о войне — и в основном на деньги из государственного бюджета! Ложь разоблачалась и военными специалистами, и непо-

средственными участниками событий, но эти разоблачения трибуны не получали.

Надо отметить, что сегодня атака на образ ВОВ ведется вне зависимости от отношения к СССР или советскому обществу. Миф о том, что «русские не умели воевать и пришлось завалить немцев трупами» — политический инструмент дезинтеграции нынешнего российского общества. Он производит аномиию в основном в среде молодежи.

А.С. Панарин говорит о катастрофических изменениях во всем жизнеустройстве России и добавляет: «Но сказанного все же слишком мало для того, чтобы передать реальную атмосферу нашей общественной жизни. Она характеризуется чудовищной инверсией: все то, что должно было бы существовать нелегально, скрывать свои постыдные и преступные практики, все чаще демонстративно занимает сцену, обретает форму “господствующего дискурса” и господствующей моды» [49].

Это и есть источник аномии.

Подрыв культурных устоев

Фактором дезинтеграции общества стали в 1990-е гг. действия государства в сфере культуры. Нравственное чувство людей оскорбляла начатая еще во время перестройки кампания по внедрению в язык «ненормативной лексики» (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном пространстве разъединяло людей, отравляло сознание. Для каждого средства языка есть своя ниша, оговоренная нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжелую болезнь всего организма культуры. Опросы 2004 г. показали, что 80% граждан считали использование мата на широкой аудитории недопустимым [35]. Но ведь эта диверсия была частью культурной политики государства!

Культурное ядро общества разрушалось вестернизацией кинематографа. Мало того, что рынок проката был сдан Голливуду, по голливудским штампам стали сниматься отечественные фильмы. Главный редактор журнала «Искусство кино»

Д.Б. Дондурей говорил: «Рейтинг фильмов, снятых в ельцинскую эпоху, т. е. после 1991 г., у советских граждан в 10–15 раз ниже, чем у выпущенных под эгидой отдела пропаганды ЦК КПСС. Созданная нашими режиссерами вторая реальность массовой публикой отвергается. Наши зрители сопротивляются той тысяче игровых лент “не для всех”, которые были подготовлены в 1990-е годы, герои которых по преимуществу преступники, наркоманы, инвалиды, проститутки, номенклатурная дрянь с отклонениями в поведении» [36].

Именно «тысяча игровых лент 1990-х годов» продуцирует аномию, а противодействуют ей фильмы, «выпущенные под эгидой отдела пропаганды ЦК КПСС», — вот кризис культуры, а не нехватка денег. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры: Блок и Брюсов, Горький и Маяковский, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! То опустошение культурной палитры, которое произвел «новый режим» за 20 лет — национальная катастрофа. Это механизм воспроизводства аномии.

Исследователи отмечают, что рост подавляющего числа патологических социальных явлений обуславливается не только экономическими и политическими потрясениями, но и культурными факторами, в частности воздействием СМИ. Так, с начала перестройки они целенаправленно *развращали* молодежь. Социологи из МВД пишут: «Отдельные авторы взхлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проститутток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и пр., а также места их “работы”, каковыми являются перво-разрядные отели, рестораны и бары. Эти публикации вкупе с известными художественными и документальными фильмами создали красочный образ “гетер любви” и сделали им яркую рекламу, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Самое печальное, что она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и мо-

лодых женщин. Примечательны результаты опросов школьников в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных, точнее — доходных, профессий» [37].

Телевидение много лет крутило игровые шоу типа «Слабое звено», «За стеклом», «Последний герой». Их идейный стержень — утверждение социал-дарвинизма как закона жизни в России. Неспособные уничтожаются, а приспособленные выживают в «естественном отборе». Умри ты сегодня, а я завтра! Социологи пишут: «Акцент делается на возможностях победы над противником через подкуп, сговор, активизацию темных, находящихся в глубине души инстинктов. Практически во всех программах прослеживается идея, что для обладания материальным выигрышем, т. е. деньгами, хороши любые средства. Таким образом, программы ориентируют зрителя на определенный вариант жизни, стиль и способ выживания» [38].

Но ведь превращение телевидения в генератор аномии было тогда культурной политикой государства!

Культурной диверсией стала и вестернизация потребностей, которая производит аномию буквально «по учебнику». Запад создал целую индустрию *производства потребностей на экспорт*. Доктрина этого экспорта была отработана еще в «опиумных войнах» против Китая. Это стало мощным средством *господства*. Различные народы по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. При ослаблении этих защит происходит, по выражению К. Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

В течение последних 20 лет граждане России были объектом мощной программы по внедрению в сознание новой системы *потребностей*. Сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в «революцию притязаний»,

добились сдвига к принятию стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала вождеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением «прав человека». *Так жить нельзя!* — вот клич человека, страдающего от неутоленных притязаний. Чтобы получить шанс на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие нравственные и правовые ограничения. Это, по оценке Р. Мертона, и есть главный механизм аномии в рыночном обществе.

Преднамеренное оскорбление граждан

В антисоветском мышлении уже с 1960-х годов стало созревать отношение к трудящимся как «иждивенцам и паразитам» — чудовищный выверт элитарного сознания. Возникла идея «наказать паразитов» безработицей, а значит, голодом и страхом. Но открыто об этом стали говорить во время перестройки. Близкий к М. Горбачеву экономист Н.П. Шмелев писал: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракодельством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» [32].

В Концепции закона о приватизации (1991 г.) в качестве главных препятствий ее проведению называются следующие: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных

люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Сама фразеология этого **официального** документа оскорбительна. Большинство (!) соотечественников якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев» (*трудящиеся* — иждивенцы, какая бессмыслица). Рабочие — люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Эти выражения свидетельствуют о том, что влиятельная часть либеральной интеллигенции впала в тот момент в мальтузианский фанатизм времен «дикого капитализма». Такой антирабочей фразеологии не потерпела бы политическая система ни одной капиталистической страны, даже в прессе подобные выражения вызвали бы скандал, а у нас ее применяли в законопроектах.

Власть и в настоящее время настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *иждивенчество*. Это нелепая и оскорбительная установка. Она дополнила социальный конфликт мировоззренческим, ведущим к разделению населения и государства как враждебных *этических систем*.

Идеологи российских реформ принципиально отвергли государственный патернализм как одну из сторон социального порядка. Эта установка сохранилась и после ухода Б. Ельцина. Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество: государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе. Государственный патернализм — это и есть основание *социального государства*, каковым называет себя Российская Федерация.

Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». Один из зачинателей институциональной политэкономики, А. Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно» [33]. Непрерывные попреки власти и угрозы «прекратить государственный патернализм» уже не оскорбляют, а озлобляют людей и вызывают холодное презрение.

Социальным фактом стало глумление «социальной базы» реформ над тем большинством, которое в ходе реформ было обобрано. Это глумление происходит при благожелательном попустительстве государства (нередко с использованием государственных СМИ). Это механизм воспроизводства аномии.

Вот пример из практики аграрной реформы в богатейшем Краснодарском крае. Бывший председатель колхоза кубанской станицы Раздольная, на базе которого создан холдинг и руководителем которого он стал, рассуждает: «На всех землях нашего АО (все земли составляют примерно 12 800 га) в конце концов останется только несколько хозяев. У каждого такого хозяина будет примерно 1 500 га земли в частной собственности. Государство и местные чиновники должны обеспечить нам возникновение, сохранность и неприкосновенность нашего порядка, чтобы какие-нибудь ... не затеяли все по-своему... Конечно, то, что мы делаем — скупаем у них пай кубанского чернозема в 4,5 гектара за две (\$70) и даже за три тысячи рублей (\$100) — нечестно. Это мы за бесценок скупаем. Но ведь они не понимают... Порядок нам нужен — наш порядок». Бывшим колхозникам он так объяснил суть этого порядка: «Будет прусский путь! А вы знаете, что такое прусский путь?... Да это очень просто: это я буду помещиком, а вы все будете мои холопы!» [34].

Особой общностью, которой была нанесена и продолжает наноситься глубокая культурная травма, является «советский человек». Численность этой группы определить трудно, но она составляет большинство населения, независимо от идеологических (даже антисоветских) установок отдельных ее частей. Скорее всего, со временем эта численность сократится из-за выбытия старших возрастов, хотя этот тезис дискуссионный: судя по ряду признаков, «либеральная» молодежь, взрослея и создавая семьи, вновь осваивает «советские ценности».

С 1989 г. ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады вел наблюдение за тем, как изменялся в ходе реформы *советский человек*. В заключительной четвертой лекции об этом исследовании, 15 апреля 2004 г., Ю.А. Левада говорил: «Работа, которую мы

начали делать 15 лет назад, — проект под названием “Человек советский” — последовательность эмпирических опросных исследований, повторяя примерно один и тот же набор вопросов раз в пять лет... Было у нас предположение, что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... Оказалось, что это наивно... Мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали “советским”, никуда от нас не делся... И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда чувствуют себя людьми советскими. И рамки мышления, желаний, интересов почти не выходят за те рамки, которые были даже не в конце, а где-нибудь в середине последней советской фазы. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачев, и жили бы, и жили» [39].

Итак, «советский человек никуда от нас не делся». Он просто «ушел в катакомбы». Там он подвергается жесткой идеологической обработке, зачастую с примесью культурного садизма. Любой тип, выходящий на трибуну или к телекамере с антисоветским сообщением, получает какой-то бонус. Антисоветская риторика узаконена как желательная, что и обеспечивает непрерывность «молекулярной агрессии» в массовое сознание населения.

Способов углубить аномию и сравить расколотые части общества много. К ним, например, относится *профанация* праздников, которые вошли в жизнь подавляющего большинства общества и давно уже стали национальными. В России ведется настоящий штурм символического смысла праздников, которые были приняты и устоялись в массовом сознании советских людей. Кто-то придумал праздновать 7 ноября «годовщину военного парада 7 ноября 1941 г.». Парад *в честь годовщины парада!* А в честь чего был *тот* парад, говорить нельзя. Такие вещи даром не проходят, веет аномией.

Уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и углубляют аномию. Это фундаментальная угроза для России.

Вот рассуждения ведущего программы на канале «Культура», В. Ерофеева, по поводу того, что в проекте «Имя России» лидировал Сталин: «Любовь половины родины к Сталину — хорошая причина отвернуться от такой страны, поставить на народе крест. Вы голосуете за Сталина? Я развожусь с моей страной! Я плюю народу в лицо и, зная, что эта любовь неизменна, открываю циничное отношение к народу. Я смотрю на него как на быдло, которое можно использовать в моих целях... Сталин — это смердящий чан, булькающий нашими пороками. Нельзя перестать любить Сталина, если Сталин — гарант нашей цельности, опора нашего идиотизма... Нам нужен колокольный звон с водкой и плеткой, иначе мы потеряем свою самобытность» [40].

Так идеологический работник того меньшинства, которое, как считается, победило «советского человека», реагирует на слабый жест побежденных. Может ли власть не видеть, что вручила инструмент культурного господства поджигателю гражданской войны? Но для начала он создает аномию.

Наконец, реформаторская культурная элита постоянно провоцирует ненависть просто *людей*. В Санкт-Петербургском университете идет проект «Мировые интеллектуалы в Санкт-Петербурге». С кафедры этого университета делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Профессора и писатели предвидят «революцию интеллектуалов» и рассуждают о выведении не просто новой породы людей, а нового *биологического вида*, который даже не сможет давать с людьми потомства. В. Иноземцев пишет: «Государству следует обеспечить все условия для ускорения “революции интеллектуалов” и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями “низов”, быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранному курсом» [41].

А вот рассуждения А.М. Столярова, видного писателя, лауреата множества премий: «Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким

и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это, в свою очередь, означает, что “когнитивное расслоение” будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу “генетически богатую”, представляющую собой сообщество “управляющих миром”, и расу “генетически бедную”, обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...

Современные “морлоки” с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения» [42].

Конечно, российские «морлоки» таких книг не читают, но эти идеи просачиваются в СМИ, и их молекулярный поток омывает разум страдающих от стресса жителей России. Какую аномию он вызывает...

Каких норм поведения могут ждать власть и господствующее меньшинство от *людей*, если они освоят новые средства самоорганизации?

Заключение

Глубокий и небывало затяжной кризис постсоветской России требует еще больших усилий для постановки достаточно полного диагноза. Описаний симптомов собрано уже много, но их еще надо систематизировать. Если бы было время взять весь массив такого журнала, как «Социологические исследования», за 1989–2011 гг., и прочитав его *весь, номер за номером*, читателю открылась бы потрясающая и величественная в своем драматизме картина дезинтеграции нашего общества. И в этой эпохальной драме только сейчас становится видно, какое сложное и динамичное общество было разрушено.

Но прочитав две-три тысячи статей «СОЦИС» сразу, чтобы сложилась эта панорама, очень мало кто может: у одних нет

времени, у других — интереса да и привычки вникать в частности. Ведь каждая статья — это маленький осколок стекла, который еще не скоро найдет себе соседа в мозаике. Все ждут Откровения, краткого катехизиса. Но уповать на него бесполезно. Тотализирующего учения типа марксизма, которое бы нам все объяснило, сейчас нет и в обозримом будущем быть не может — все находится в поиске и сомневаются почти во всем. Человечество переживает общий кризис картины мира и мировоззренческой основы. У нас в XX в. изменения были очень быстрыми, сомнения мучительными, и мы оказались более «открыты» этому кризису. Он нам дорого обходится, но, может быть, это как-то вознаградится. Любой фундаментализм в такой буре — лишь щель, где можно пересидеть грозу, но двигаться по его компасу нельзя. Значит, надо собирать мозаики знания и намечать путь коллективно, в том числе в диалоге с противниками и справа, и слева, и сзади.

Правда, процесс дезинтеграции общества очень затрудняет различение «своих» и «противников»: и те, и другие предстают в сознании как *идеальные типы*, а в реальности почти в каждом есть что-то от «своего» и что-то от «противника». Это один из симптомов болезни нашего общества.

Есть также много сложных болезненных явлений, которые метафорически можно назвать *синдромами* общей болезни: например, коррупция чиновников, всплеск преступности разного типа, мошенничество бизнеса и пр. Но для диагноза главного заболевания желательно найти элементарные причины, которые являются общими для многих синдромов и симптомов, хотя они проявляются по-разному в разных условиях, в разных «органах и тканях». Если следовать этой грубой аналогии, то корпус российской социологической литературы как раз указывает на такой элементарный и общий болезнетворный фактор — *аномию*.

Общество (как и народ) соединено ответственностью каждого перед каждым: в кругу семьи, ближних, знакомых и друзей, предков и потомков, односельчан и соотечественников, перед государством и перед своей совестью. Ответственность — это неявно данная еще где-то в отрочестве присяга, взятая на себя

обязанность следовать нравственным и правовым нормам, принятым в данном обществе и государстве в данный исторический период. Эти нормы предписывают обязательные действия (заботиться о семье, идти в армию и пр.) и запрещают действия, наносящие вред обществу, государству и даже самому себе (он — тоже достояние страны). Ясно, что массовое невыполнение норм — аномия — сразу разрывает множество связей между людьми и делает страну уязвимой: и перед кризисами, и перед внешними угрозами, и перед своими же бандами воров и мародеров. В России тяжелое поражение начала 1990-х гг. на наших глазах привело к аномии не только массовой, но и очень разнообразной по структуре.

Аномия связана с дезинтеграцией общества диалектическими отношениями — причина и следствие при анализе этих явлений непрерывно меняются местами. Был ли приступ массовой аномии вызван демонтажем советского общества в ходе перестройки или успешный демонтаж несущих конструкций советского общества удался благодаря нараставшей с 1970-х гг. аномии? Вряд ли мы найдем ответ на этот вопрос, потому что налицо *автокатализ*, кооперативное взаимодействие обоих процессов, так что новая порция аномии ускоряет дезинтеграцию, а разрыв нового пучка связей человека с обществом углубляет его аномию. В 1990-е гг. мы наблюдали уже лавинообразный процесс. Он всех потряс своей мощью и неумолимостью, но и то, что происходило почти незаметно в инкубационный период, важно для диагноза. Здесь большое поле для исследований.

Этот доклад — только очень краткая «история болезни», причем уже в открытой форме. Возбудителя болезни мы не знаем. Но и это первое приближение позволяет сформулировать ряд предположений и поставить вопросы. Скоро ли наше обществоведение поставит надежный диагноз и предложит средства лечения, сказать трудно. Следовательно, в ожидании хорошей теории придется действовать методом проб и ошибок. Чем более внимательно и хладнокровно мы обдумаем то эмпирическое знание, которое уже накоплено, тем меньше травм нанесет лечение дорогому нам пациенту.

В настоящее время на общественную арену вышло совершенно новое поколение — первое постсоветское и постимперское. Оно представляет собой общность с неизвестным в России типом рациональности и потребностей, несбыточными притязаниями и комплексами, почти утратившую коммуникации с государством и старшими поколениями. Тем не менее возникла новая и неустойчивая система, которую можно сравнительно небольшими усилиями толкнуть в коридор, ведущий к существенному оздоровлению общества. Следовательно, на выходе из этого коридора на следующий перекресток из этой молодежи уже может возникнуть социокультурная общность, способная стать влиятельным культурно-историческим типом и изменить вектор хода событий в России. Если будет на то политическая воля государства, этот процесс можно довести и до этапа «сборки» других рассыпанных аномией социокультурных групп.

Как показала политическая турбулентность 2012 г., недовольство еще не достигло степени, при которой люди превращаются в разрушительную толпу, но уже побудило к самоорганизации, хотя и рыхлой. Задача — конструктивно использовать потенциал этой самоорганизации, охлаждая при этом выбросы иррациональной энергии. В противном случае есть риск сорваться в «молекулярную» вражду и борьбу.

Ясно, что в течение последних трех лет вся система РФ нестабильна, многое надо менять (давно пора). Страна — на перепутье. Одни считают, что сдвиг надо производить в сторону восстановления хозяйства и к более социально ориентированной политике. Задача, которую большинство смутно излагает в социологических опросах, очень сложна: создать снова сплоченное справедливое общество с большим потенциалом развития и без мещанской тупости норм позднего СССР. В чем сложность этой задачи? В том, что когда ослабевает тоталитарная идеократия (а она вырождается быстро), значительная часть образованных и умелых людей сдвигается к социал-дарвинизму. Даже если таких людей 10–15%, они побеждают остальное «мирное население» — оно само не может организовать.

Однако все же эта задача разрешима. И зарубежная, и российская социология предлагают для этого робкие, но обнадеживающие подходы. Уже сейчас видно, что многие из них реалистичны, хотя и требуют доработки соответственно конкретным социальным и культурным условиям. Чтобы их систематизировать и обсудить, требуются интеллектуальные и организационные усилия и скромные ресурсы. Должен быть собран рабочий научный коллектив, способный отрешиться от механистических догм как исторического материализма, так и либерализма, принять нынешнюю социальную реальность в ее сложности, не пытаясь упростить ее модели, уповая на мудрость старых учебников.

Излечение столь обширной аномии будет нелинейным процессом, его успех будет зависеть от возможности собрать хотя бы очень небольшие «сгустки» людей с необходимыми социокультурными параметрами. Если на то будет воля государства, эти «сгустки» быстро обростут людьми и станут центрами кристаллизации жизнеспособных общностей с потенциалом роста и развития.

Литература

1. Lorenz K. La acción de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988.
2. *Рукавишников В.О.* Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // СОЦИС. 1995. № 1.
3. *Кривошеев В.В.* Особенности аномии современного российского общества // СОЦИС. 2004. № 3.
4. *Могильнер М.Б.* Трансформация социальной нормы в переходный период и психические расстройства // СОЦИС. 1997. № 2.
5. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // СОЦИС. 1992. № 2.
6. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1.
7. *Буравой М.* Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС. 2009. № 9.
8. *Мягков А.Ю., Смирнова Е.Ю.* Структура и динамика незавершенных самоубийств: региональное исследование // СОЦИС. 2007. № 3.
9. *Александровский Ю.А.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС. 2010. № 4.
10. *Бабинцев В.П., Реутов Е.В.* Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. 2010. № 1.
11. *Лежнина Ю.П.* Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // СОЦИС. 2010. № 3.
12. *Иванова В.А., Шубкин В.Н.* Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // СОЦИС. 2005. № 2.
13. *Бойков В.Э.* Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // СОЦИС. 2004. № 7.
14. *Кривошеев В.В.* Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // СОЦИС. 2009. № 3.

15. *Беляева Л.А.* Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // СОЦИС. 2004. № 10.
16. *Петухов В.В.* Новые поля социальной напряженности // СОЦИС. 2004. № 3.
17. *Староверова И.В.* Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи // СОЦИС. 2009. № 11.
18. *Мошкин С.В., Руденко В.Н.* За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // СОЦИС. 1994. № 11.
19. *Бреева Е.Б.* Социальное сиротство в социально ориентированном государстве // СОЦИС. 2004. № 4.
20. *Давыдова Н.М., Седова Н.Н.* Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // СОЦИС. 2004. № 3.
21. *Смертность подростков в Российской Федерации.* М.: БЭСТ-принт, 2010.
22. *Антонова О.И.* Региональные особенности смертности населения России от внешних причин // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2007.
23. *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения (социальное дно) // СОЦИС. 2004. № 4.
24. *Осинский И.И., Хабаева И.М., Балдаева И.Б.* Бездомные социальное дно общества // СОЦИС. 2003. № 1.
25. *Алексеева Л.С.* Бездомные как объект социальной дискредитации // СОЦИС. 2003. № 9.
26. *Пучков П.В.* Вы чье, старичье? // СОЦИС. 2005. № 10.
27. *Михайлова Л.И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // СОЦИС. 2010. № 3.
28. *Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад.* М.: Институт социологии РАН, 2011.
29. *Яковлев А.Н.* Большевизм социальная болезнь XX века / С. Куртуа и др. // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 2001.
30. *Голик Ю.В.* Преступность планетарная проблема / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. СПб.: Юридический центр, 2006.

31. *Яковлев А.Н.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности / А.Н. Яковлев. М.: Новости, 1991. С. 170.
32. *Шмелев Н.* Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.
33. *Бенуа А. де.* Против либерализма // Русское время. 2009. № 1.
34. *Хагуров А.А.* Земельная реформа на Кубани: региональный срез // СОЦИС. 2004. № 5.
35. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М.: Алгоритм ЭКСМО, 2005. С. 258
36. *Дондурей Д.Б.* О конструктивной роли мифотворчества // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 275.
37. *Карпухин Ю.Г., Торбин Ю.Г.* Проституция: закон и реальность // СОЦИС. 1992. № 5.
38. *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Массовая коммуникация в условиях глобализации // СОЦИС. 2003. № 10.
39. *Левада Ю.* «Человек советский» // <<http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>>.
40. *Ерофеев В.* Похвала Сталину // Огонек. 2008. № 29 // <<http://www.ogoniok.com/5055/13/>>.
41. *Иноземцев В.* On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века / В. Иноземцев // Постчеловечество. М.: Алгоритм, 2007. С. 71.
42. *Столяров А.М.* Розовое и голубое / А.М. Столяров // Постчеловек. М.: Алгоритм, 2008. С. 26, 31.
43. *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления / С.Г. Кара-Мурза. М.: Научный эксперт, 2013.
44. *Феофанов К.А.* Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СОЦИС. 1992. № 5.
45. *Горбачев М.* Декабрь–91. Моя позиция / М. Горбачев. М.: Изд-во «Новости», 1992.
46. *Яковлев А.* О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003. 2 декабря.
47. *Шмелев Н.* На переломе: перестройка экономики в СССР / Н. Шмелев, В. Попов. М.: Агентства печати Новости, 1989.

48. *Новодворская В.* Прощание славянки / В. Новодворская. М.: Захаров, 2009.

49. *Панарин А.С.* Народ без элиты / А. С. Панарин. М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2006.

50. *Ревягин А.В.* Нераскрытые насильственные преступления: криминологическая характеристика и детерминация // Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. юр. наук. Челябинск, 2010.

Аномия в России: причины и проявления

Доклады Центра

Выпуск № 4

Доклад подготовлен *С.Г. Кара-Мурзой*
Редактор *Ю.Е. Мешков*
Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Компьютерная верстка *О.П. Максимова*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09
E-mail: fgpc@cea.ru
www.проблемныйанализ.рф

Сдано в набор 25.09.2013 г.
Подписано в печать 3.10.2013 г.
Формат 60×90^{1/16}
Отпечатано в типографии ГМЦ
105679, Москва, Измайловское шоссе, 44
Тираж 200 экз. Заказ 1621